

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

В КОТЛЕ

САТАНЫ

Танкисты «тридцатьчетверки». Они стояли насмерть

Сергей Зверев
В котле сатаны

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

В котле сатаны / С. И. Зверев — «Эксмо», 2023 — (Танкисты «тридцатьчетверки». Они стояли насмерть)

ISBN 978-5-04-185634-2

Этому автору по силам любой жанр: жесткий боевик и военные приключения, захватывающий детектив и криминальная драма. Его имя – неизменный знак качества каждой новой книги. Январь 1943 года. Прорвана блокада Ленинграда. Красная Армия, развивая успех, теснит врага. Но фашисты не сдаются. На одном из участков они наносят нашим частям ощутимый контрудар. Танковой роте лейтенанта Алексея Соколова приказано ликвидировать вражеский плацдарм и спасти от гибели попавшую в окружение роту красноармейцев. Танкисты пробиваются сквозь немецкие заслоны и оказываются на позиции, которую обороняют... девушки-снайперы. К удивлению Соколова, они отказываются от его помощи. У девчат уже готов свой план прорыва. Лейтенант понимает, что на этот раз его танкистам придется действовать в особых условиях...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-185634-2

© Зверев С. И., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Иванович Зверев

В котле сатаны

© Зверев С.И., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Люди облепили бронированную машину словно муравьи – лезли на броню. Семен Михайлович Бабенко, механик-водитель командирского танка, выжал педаль тормоза, негромко предупредил в ТПУ:

– Короткая, – и беспомощно повернулся к командиру роты, лейтенанту Соколову. – Алексей Иванович, ну невозможно, раздавлю же кого-нибудь.

– Всем машинам приказ – стоп! – отреагировал ротный командир в ларингофон.

Его устройство связи работало на командной частоте, и приказ ротного тотчас же понесся, как лесной пожар, по всем машинам в колонне. Тридцатьчетверки с красными звездами на башнях замедлили свой ход по улицам освобожденного города, встали плавно в аккуратный маршевый ряд друг за другом. Тотчас черная живая река из людей, жителей блокадного Ленинграда, хлынула на машины. Танкисты едва успели показаться из люков, как к ним потянулись сотни рук.

– Спасители, герои, вы нас спасли!

Неугомонные, тонкие, как ветки деревьев, мальчишки карабкались по броне, заглядывая внутрь танков Т-34, трогая грозное дуло почти трехметровой пушки. Женщины в обмотках прижимались мокрыми от слез лицами к промасленным ватным курткам бойцов, вдыхая смесь ароматов солярки, махорки, пороховых газов. Ведь где-то так же их отцы, сыновья, мужья шествуют по освобожденным от фашистов улицам города или маленького поселка. Уже больше 500 дней идет Великая Отечественная война с армией Гитлера. Летом после Курского котла наглое шествие фашистов по территории СССР остановлено, и, испуганные напором Красной армии, захватчики теперь неохотно отступают, заваливая мертвыми телами мирного населения каждый освобожденный от оккупации километр. Поэтому танкистов так встречали в Ленинграде, они несли надежду и уверенность, что страшные дни блокады закончились. Жители города провели в окружении врагов сотни дней и ночей, один на один со страшным голодом, суровыми зимами и еженочными вражескими бомбардировками.

Наконец смертельная блокада, душившая город, снята, в город вошли советские войска!

Жители Ленинграда, больше похожие на призраков из-за своей худобы и болезненного вида, бросились на улицы, изуродованные немецкими бомбами. Каждому хотелось поблагодарить советских освободителей, прикоснуться к танку, к пехотинцу, чтобы убедиться, что это не сон. Они живы! Они свободны! Блокады больше нет.

А танкисты 3-й танковой роты 1-го батальона 1-й Краснознаменной танковой дивизии не чувствовали себя победителями, что торжественно идут в парадном шествии по городским площадям и улицам. Они с ужасом и горькой досадой на душе выворачивали каждый карман, обшаривали все потайные уголки в железных внутренностях танков, где осталось хоть немного провизии. Крупинки сахара, махорка, сухари – все разлеталось по рукам людей, что не видели настоящего хлеба десятки долгих месяцев, питались лебедой, столярным клеем, отрубями, которыми раньше в совхозах кормили животных. Дети, осунувшиеся, закутанные в грязные перелатанные пальтишки, полушубки, в огромной не по размеру обуви, будто воробьи на ветке, громоздились со всех сторон на огромных гусеницах Т-34, на корме и бортах, командирской башне и откиннутом люке. Женщины, старики тянули к ним худые руки, еле слышными голосами бестелесных призраков кричали «Ура!».

Несколько часов танковой роте Соколова не давали проехать к опорному пункту, благодарили, целовали, прикасались, плакали от счастья. И у молодого командира не нашлось сил, чтобы остановить эту волну радости и признательности. После многодневных боев голова гудела от усталости, тело не слушалось, но он пожимал чьи-то руки, обнимал рыдающих от счастья женщин, пока на улицы не опустилась темнота и замерзшие жители не начали расхо-

даться. Только после этого танкистам удалось добраться до всего батальона, который расположился среди хозяйственных построек бывшего химического завода. Сейчас цеха со слепыми, забитыми досками, окнами молчали, станки ждали своего часа в частично разваленных после бомбежек вытянутых помещениях. Лишь на единственном складе удалось подключить электричество, и там комбат Гордей Еременко собрал для короткого доклада танкистов.

– Танкисты, красноармейцы, товарищи! Я поздравляю вас с победой над врагом, очередной победой. Город взят, его жители теперь свободны, они смогут получить еду, помощь медиков. Но впереди еще сражения, товарищи, враг всего лишь отступил на десяток километров. Чтобы не дать ему прийти в себя, командование Красной армии готовит новое наступление по линии «Пантера». У нас очень короткий срок, чтобы восстановить технику, учесть потери и приготовиться к бою. Поэтому я разрешаю сейчас до шести утра отдыхать, но только боевому составу. Начхоз, вспомогательные службы – вам приказ за ночь подготовить матчасть. Ремонтная бригада начала работу на территории завода, в соседнем здании госпиталь развернул прием для больных и пострадавших. Ротным командирам доложить о потерях личного состава, состоянии машин. Раненых – к врачам, сломанную технику – срочно на починку. Боевую готовность необходимо восстановить как можно быстрее. Гитлер ждать не будет, когда мы отоспимся. Так что выполнять приказ!

Гордей Иванович и сам понимал, что бойцы измучены, несколько дней с короткими перерывами на отдых и сон они отвоевывали километр за километром у немцев плацдарм. Им сейчас бы пару дней передышки. Выспаться, укомплектовать танковые отделения до полного штата, а то в каждой машине то заряжающего не хватает, то башнера. Только передышки не будет, не дает вермахт расслабиться, даже несмотря на успешное наступление Красной армии. Силы вермахта сделали шаг в сторону Польши, уступили несколько километров воинским соединениям Советского Союза, поэтому теперь нужно будет с удвоенной силой отчаянно использовать любую возможность, вернуть утерянные плацдармы назад. Разгромленные германские генералы ищут шанс, чтобы доказать своему фюреру превосходство над советскими воинами. По данным советской разведки штаб начал подготовительный этап операции «Бадуа», собрав в составе оперативной наступательной группировки «Шевалери» 20-ю моторизованную дивизию с полком 205-й пехотной дивизии, 21 танком и 11 штурмовыми орудиями. К месту расположения группировки сейчас, как донесло воздушное наблюдение, передислоцировались вдоль линии фронта дополнительные германские силы: 291-я пехотная дивизия с несколькими батальонами 331-й пехотной дивизии, 22 танками и 10 штурмовыми орудиями.

Потому отдыха у советских танкистов не будет, несмотря на то что освобожденный Ленинград и вся страна бурлят от радостной новости – блокада снята. Задержаться в освобожденном городе не получится, приказ командования однозначный: 12 часов на подготовку к новой атаке, ибо немцы готовят контрнаступление с целью деблокировать советский гарнизон, что теперь расположился в черте города.

Новый ротный, лейтенант Соколов, уже с ожиданием поглядывал на комбата неподалеку от суетившихся своих бойцов. Те осматривали танки в поисках повреждений, заводили двигатели, вслушиваясь в рычание моторов, двигали рычаги, проверяя плавность хода. Часть уже ушла на поиски топлива для костров, с десятков ребят покрепче забрал старшина, заведовавший тыловым обеспечением. Полевая кухня прибудет только утром, поэтому приходилось обходиться сухпайком и своими силами. Возле цехов фыркала цистерна с соляровкой, через щели между досок в соседнем цехе доносился треск и запах сварки. Жизнь батальона кипела после боя, не останавливаясь ни на минуту, что были такими драгоценными рядом с линией фронта.

Еременко кивнул – давай, лейтенант, докладывай.

– Товарищ командир, из двух рот на ходу пятнадцать машин, у остальных повреждения броневых листов, две единицы с заклинившей Ф-34.

– К ремонтникам. Утром снова доложишь, что там у них получилось починить. Штат у тебя сколько, пересчитал народ?

– Да, три человека в госпитале, но они на перевязку и снова на службу, – сообщил Алексей.

Не по годам серьезный, он обдумывал, как же обсудить с комбатом острую нехватку кадров так, чтобы это не выглядело жалобой неопытного командира. Ведь при всей сдержанности и скромности Соколов привык всегда принимать решения, даже если к его кругу обязанностей это не имело отношения. На любые вопросы лейтенант искал решение самостоятельно, предлагая командованию уже готовый план. Комбату и без него хватает проблем, что надо решить. Покормить, одеть и снарядить больше пятисот человек личного состава, заправить пятьдесят с лишним бронированных машин, доложить в командный пункт о боеготовности и наметить маршрут для марша к месту следующего боя.

– Гордей Иванович, у меня в каждом отделении по два человека кое-как набирается.

– У тебя ведь сейчас пять взводов слеplено из штата двух рот, Соколов? Ты за двух ротных у меня командуешь?

– Так точно, товарищ майор.

Комбат вдруг без сил опустился на кирпичную кучу, стянул фуражку и потер ежик на голове рукой. Что же делать ему с двумя неукомплектованными ротами? Соединить в одну – останутся незадействованные тридцатьчетверки, оставить как есть – в бою мехвод и башнер не справятся со сложной техникой. Чтобы заряжать, наводить прицел и маневрировать танком Т-34, необходимы три человека, а по штату так и вовсе положен еще и четвертый член экипажа – стрелок-радист, что управляется с массивной радиостанцией. Алексей попытался во второй раз начать разговор:

– Товарищ комбат, у меня есть переложение, может, запросить перевод хотя бы человек десяти в наш батальон? Может быть, есть добровольцы из местных жителей. Поставим в заряжающие. Понятно, что заменить мехвода или наводчика они не смогут, но снаряды подавать научим.

– Ох, Соколов, вечно ты со своими идеями. Ты людей в городе видел? Там же скелеты живые, а тебе десять парней подавай в заряжающие. Они еле ноги передвигают, как они тебе девять кило подкалиберного поднимут, сам-то подумал? – устало покачал головой Еременко, но тут же, соглашаясь, махнул рукой. – Запрошу штаб, может, подкрепление уже прибыло. Давай, Соколов, утром подойди. Сейчас бы с теми разобраться, кто есть.

Алексей отошел в сторону, смущенный полуотказом, ведь прав где-то комбат. В разрушенном городе люди за сотни дней блокады превратились в призраки, истощали до прозрачности, откуда им взять силы для участия в танковом бою. Только подумать, как по-другому решить дефицит кадров, ему снова не дали. Мехвод Бабенко из командирского экипажа спешил навстречу командиру:

– Алексей Иванович, разрешите танки на ремонт сопровождать? Я присмотрю, чтобы все правильно сделали, там сварной шов надо класть спиралью, чтобы сопротивляемость бронелиста не потерять.

Всю досаду как рукой сняло – с такими бойцами он любую задачу решит. Перемазанный машинным маслом, с разводами на лице, растрепанный, измученный боями Бабенко сиял и от нетерпения, казалось, приплясывал. Инженер-испытатель Харьковского танкового завода, он всю жизнь отдал моделированию и улучшению Т-34, поэтому внутренности, болячки и слабые места легендарного танка знал наизусть. Пестовал каждую тридцатьчетверку словно ребенка. Вот и сейчас он, забыв об усталости, был готов бежать в ремонтный цех, чтобы вместе с техниками заботливо лечить разбитые катки, слетевшие пальцы, оплавленную проводку и пробоины. За спиной его маячил с ящиком инструментов в руках заряжающий Коля Бочкин, 20-летний

ефрейтор, который последний месяц хвостом ходил за мехводом, твердо решив выучиться у него ювелирному управлению бронированной машиной.

– Товарищ командир, а можно с дядь Семой к рембригаде? То есть с сержантом Бабенко? Мы нашего Зверобоя уже залили до самого верха, и маскировка установлена, как по уставу положено, – на круглом лице застыло просительное выражение.

– Идите, – махнул Алексей и спросил у Бабенко: – У вас не осталось табачку, Семен Михайлович?

– Нет, – развел руками пожилой мужчина. – Подчистую выгреб все, себе только на одну самокрутку оставил.

Алексей тяжело кивнул, от голода и усталости кружилась голова, он чувствовал, как ноги в сапогах почти его не слушаются, при каждом шаге он спотыкается об обломки кирпичей и деревяшек от разрушенных стен зданий. В голове он механически прокручивал список необходимых дел: «На ремонт машины отправил, пункт питания в процессе организации, раненых к восьми утра... Доклад комбату...» Он потер слипающиеся глаза, хотя бы 15 минут полежать, закрыть зудящие от недосыпа веки. Слово из тумана донесся голос старшины Василия Логунова, который командовал взводом в его роте, а еще был башнером в командирском танке:

– Алексей Иванович, идите в танк, передохните пару часов. Я за хозяйством присмотрю, растолкаю при необходимости.

Сил у ротного командира хватило только кивнуть. На ватных ногах он взобрался по лобовой броне наверх, хватаясь за ствол, нырнул в темноту люка. Только расслабил тело, опускаясь на сиденье, как подскочил от сдавленного крика, раздавшегося в темноте, и ощущения чего-то мягкого под боком. Под ладонью скользнули волосы и что-то похожее на птичью лапу.

– Это кто здесь? – лейтенант щелкнул динамо-фонарем и прищурился от рези в глазах.

Перед ним замер ребенок лет шести. На крошечном личике светились испуганные огромные глаза, маленькие, будто игрушечные, ладошки цепко держали рукав танкистского комбинезона:

– Товарищ лейтенант, не ругайте. Это я тут, Сашка.

Как только страх отступил, Алексей понял, что сил даже прогнать мальчика из танка у него нет. Да что там, и фонарь выключить не дает свинцовая усталость во всем теле, хотя мозг не отключался, продолжая работать. Рука с фонариком упала вниз бессильно, двигались по инерции лишь губы:

– Ты что здесь делаешь? – сквозь полудрему пробормотал танкист.

Мальчишка охотно поделился:

– Я про танки хотел узнать все-все! Когда вырасту, танкистом стану, надо сейчас учиться. Поэтому сюда залез, чтобы все посмотреть поближе. Расскажите? Я все знаю модели, КВ, Т-34, БТ!

Казалось, язык у лейтенанта жил отдельно, мысли в голове выстраивались цепочками, плыли будто колонна танков по ровной дороге:

– «Бетушка», я на такой воевал, мы его «рысаком» звали. Шустрый, легкий, броня тонковата, да и калибр слабенький, приходилось совсем близко ему к немцам подкрадываться, чтобы пробить броню среднему немецкому танку. Зато гусеницы если снять, так катится быстрее любого грузовика.

– Как лошадь, – залился над ухом тонкий колокольчик.

Невесомое тельце завозилось, прижалось к боку в поисках тепла. Алексей поднял мальчишку в полусне и сунул, будто щенка, под полу ватной куртки. Тот уместился, поджав острые коленки, уткнувшись ледяными губами прямо в ухо, только теплое дыхание шевелит волосы, не давая провалиться в глубокий сон.

– А на КВ ты ездил?

– Да, этот богатырь настоящий – бронелист семьдесят пять миллиметров. В начале войны фрицы броню пробить у него не могли, считай, неуязвимый был. Хотя и медленный, пятьдесят две тонны веса, это не шутки, снаровку надо, чтобы развернуть такую махину и на позицию поставить.

– Мне дашь порулить и пушку навести?

– Для этого силы надо хорошие, у тебя теперь задача будет силу наесть, а потом уже на место мехвода можно пробовать садиться. Рычаги тугие, и взрослому трудно управляться.

Соколова вдруг словно кипятком окатило, он поднял голову, спросил у комка под отворотом куртки:

– А ты сегодня ел?

– Сахар сосал, вот дядька такой огромный, как великан, дал. Я немножко, уголок, а остальное в карман сложил, – прошептал мальчишка.

Он тоже забылся в рваной дремоте, то ли от голода, то ли от непривычного тепла под боком у танкиста. Сашка сонно сунул руку в карман проверить свое сокровище, тут же в ужасе вскочил, мгновенно проснувшись. Сахар от влаги и снега в кармане растаял, так что застыл твердой коркой на ткани. От ужаса ребенок разрыдался в голос, он принялся лихорадочно выворачивать карман, захлебываясь в крике из-за исчезнувшего сладкого куска. Остатки сна слетели с командира, как обрывки тумана от ветра, наверху уже гремели чьи-то тяжелые шаги. Грохнул люк, показалось лицо Логунова:

– Товарищ командир, что за звуки у вас? Кто пищит?

– Да вот тут забрался в танк мальчишка, плачет оттого, что сахар по карману размазал.

– Ох ты ж, и мы все раздали, даже сухарей не осталось. Там каша готова у нас, я вас будить пришел, чтобы позвать поужинать. Или даже не знаю, как назвать, за полночь так-то давно. Ну-ка, давай со мной, малец, – огромная рука широкоплечего Василия подцепила мальчишку, будто котенка, за шкирку и вытащила наружу.

В лунном свете Василий присмотрелся к найденышу: почти воздушный, будто состоящий из грязных оборванных тряпок, посредине которых огромные глаза, да маленькие ладошки. И счастливая улыбка со щербинами зубов. Мальчишка прямо в воздухе извернулся и коснулся медали на широкой груди танкиста:

– Ух ты, медаль! За боевые заслуги, это что, вам за фрицев вручили? Сколько вы танков подбили? А офицера взяли в плен? Вы прямо из пушки по ним лупили?

– Эта награда еще с Финской войны, – нахмурился Василий Иванович.

Опытный командир танкового отделения, а теперь и командир взвода принимал участие еще в Финской кампании и там получил награду. Только сейчас говорить ему о войне не хотелось, и не мальчишеская россыпь вопросов мужчине так огорчила. Он взвешивал худое тельце на широкой ладони, а волосы шевелились у него на голове от мысли, что если снять все тряпье, что намотано на ребенка, то там останется один скелетик, обтянутый кожей. В чем лишь душа держится у этого воробышка, задорного и говорливого? Мужчина осторожно прижал мальчишку к груди в страхе неаккуратным движением сломать ему что-нибудь:

– Кашу пробовал солдатскую?

– Не-а, – мальчишка крутил головой на тонкой шее, пытаясь усмотреть все сразу: и танк, и награды, и лицо усатого высокого танкиста.

– Сейчас угостишься, такая каша, ух. С консервой, на костре! – от голода старшина даже причмокнул, ели они последний раз сутки назад.

Наконец выдался перерыв, поэтому на костре в импровизированном большом котле из ведра танкисты приготовили кашу из привезенного сухого пайка: крупы да мясных консервов. Возле костра старшина осторожно спустил ребенка с рук поближе к своему котелку:

– Расступись, ребятушки, главный едок идет! – он протянул ложку мальчишке и поднял повыше к лицу котелок с ароматным варевом. – Налетай, воробей, клуй, не стесняйся!

Сашка жадно зачерпнул ложку, втянул горячую рассыпчатую крупу с мясными прожилками и вдруг, застонав, отвернулся, выпустил ложку, зажал глаза, нос, рот грязными ладонями.

– Ты чего, горячее? Так дуть надо, давай-ка подую тебе, – растерялся старшина.

Своих детей у него не было, так как уже в позднем возрасте после войны он наконец нашел свою суженую – вдовую Любу Бочкину. С ее сыном и воевал Василий теперь в одном танке. Хоть и стал ему упрямый Колька практически родным сыном, но ведь уже взрослый парень, с ним и общался он как на равных. А здесь, с маленьким ребенком, всегда уверенный и надежный Логунов растерялся, чем так напугал или обидел мальчика, что тот сжался в напряженный комок. Он подул на ложку и подsunул остуженную кашу к губам мальчишки:

– Обдул я, не бойсь, жуй!

В ответ тот упрямо мотал головой и уворачивался от еды.

– Да ты чего, испужался? – большая ладонь легла на тонкие волосики.

Мальчик поднял на великана в черном комбинезоне огромные глаза в слезах, прошептал еле слышно:

– Нельзя больше ложки, заворот кишок случится – и помрешь. Мне Сан Саныч велел не больше ложки за раз жевать. Очень кушать хочется, – мальчишка разрыдался, так его мучил голод, но страх смерти был сильнее.

Логунов почесал в затылке и предложил:

– Вот что, ты давай еще ложку съешь, только медленно, как целую тарелку будто лопаешь. А я тебе с собой еще каши дам, будешь ее по ложке, как лекарство, принимать несколько дней, чтобы брюхо заработало. Далеко ты живешь отсюда? Мамка тебя, поди, обыскалась, пострел ты эдакий.

Тот его не слышал, уже вытянул язык, слизнул пару зернышек крупы и закатил глаза, расплываясь от удовольствия в улыбке. От теплой еды глаза у мальчика заблестели еще сильнее, а на тонком носике выступил пот.

– Вот так, правильно, – подбадривал его Василий Иванович.

Сам он попытался проглотить пару ложек каши, но еда вставала поперек горла при виде этого исхудавшего до полного изнеможения мальчишки. Обычного – шепутного и любопытного, с живым умом, – которого блокада армии безумного фюрера превратила в умирающий скелет, мучая, терзая крошечного человечка голодом и ужасами войны. Внутри клокотала такая ярость и боль, что Василий Иванович бросил второму взводному:

– На час отойду, – подхватив котелок с остатками каши и клюющего носом Сашку на руки, он пружинисто зашагал по улицам города. Потормошил засыпающего на ходу мальчика:

– В какую сторону идти? Я тебя домой отведу, слышишь? Дорогу помнишь?

Тот сонно пробормотал:

– Заусадебная улица, сейчас через два дома поворот к дворам, потом по улице до библиотеки.

– Мать тебя потеряла, небось ищет бегают, – засокрушался снова Василий Иванович, представив на месте матери мальчика свою Любашку, как она тревожилась бы из-за постреленка.

Даже взрослого сына, упрямого Кольку, который был против их брака, она боялась огорчить, поэтому и отношения свои Василий с Любой не успели зарегистрировать официально, как это положено, расписаться в сельсовете. Николай до войны никак материнского ухажера не принимал, злился. Только лишь оказавшись в одном танке, понял, как умеет любить и заботиться дядя Вася, тогда-то парень принял его всем сердцем и теперь считал родным отцом.

Сашка вяло качнул головой:

– Нет мамы.

– А с кем же ты живешь? – сердце в груди сжалось от очередного болезненного укола.

– С Александром Александровичем, – губы у мальчишки еле двигались от сытости и навалившейся усталости.

– Это кто, дедушка твой?

– Не знаю, – чуть дернулось плечико. – Просто человек. Профессор. Он читать меня научил, книжки про танки не сжег, оставил. Я все про них прочитал. Танкистом стану и его покаю.

Василий Иванович застыл среди черных руин, крутя головой, куда дальше. После бомбежки вся улица превратилась в сплошные развалины. Изуродованные остовы домов торчали по обе стороны улицы, будто раскрошенные зубы во рту. На одном из фасадов, рядом с чудом сохранившейся дверью и окном, висела табличка: «Детская центральная библиотека».

– В какую сторону после библиотеки? – он провел пальцами по голове ребенка, чтобы его разбудить.

Сашка медленно захлопал ресницами и ткнул пальцем прямо в табличку:

– Вот же, пришли.

Вдруг под ноги Логунову бросилось что-то темное, размером с крупную собаку. Он споткнулся и чуть не уронил свой драгоценный груз. Снизу внезапно раздался дребезжащий голос:

– Простите великодушно, что потревожил. Вы не видели мальчика здесь, лет шести, Александр зовут?

– Вот мальчик, при мне, – пробасил Василий, вглядываясь в темноту, но рассмотреть в густой черноте ничего не получалось.

Лишь тихий старческий голос служил ориентиром. Старик радостно воскликнул и зашуршал по двери.

– Куда нести, говорите, спит малец, умаялся.

Голос повел танкиста с мирно спящим ребенком на плече вперед по коридору за дверь библиотеки:

– Идите за мной, сейчас! У нас тут есть невероятная роскошь – матрас. А я оббегал весь район, если так, конечно, можно сказать. Пропал Александр, я думал все, неужели дожил до освобождения Ленинграда и погиб на пороге победы? Ведь сегодня ночью был салют, выжил мой мальчишечка, дотянул до прихода Красной армии. И вдруг пропал. Ох, спасибо вам, что нашли его, он мне ведь дороже всего на свете.

Человек в самом низу говорил и уверенно двигался по темному пространству, а Логунов топтался на одном месте, не понимая, куда ему положить мальчика. Его собеседник вдруг воскликнул:

– Ах, вы же ничего не видите, вот я старый дурак, привык к вечной темноте и забываю, что другие этот мир без света не видят. Сейчас, сейчас, исправлюсь.

Затеппился огонек, вытянулся вверх, и старая керосиновая лампа осветила пространство вокруг. В комнатке, заваленной сотнями книг, Логунову улыбался старик. На прорезанном глубокими морщинами лице светилась счастливая улыбка, вместо глаз на него смотрели две стянутые в рубцах от ожогов пустые глазницы. От колен у старика не было ног, поэтому его голос раздавался снизу. Он ловко взбил соломенный тюфяк и похлопал ладонью без пальцев по грязной ткани:

– Укладывайте ребенка сюда, это наше ложе, стол, кресло для работы, место для обучения. Александр хоть и не усидчивый ученик, но уже программу третьего класса осваивает. А читает как! Запоем! Все про технику, про танки, строение машин. Будущий инженер!

– А вы дедушка его? – не удержался от любопытства Василий.

– Можно и так сказать, – рассмеялся Александр Александрович. – Война нас сделала семьей. Вообще, мои все родственники погибли, внуки и жена при бомбежке дома остались под завалами. Снаряд германский угодил прямоком в комнату, где мы все спали. Вот выжил только я, безногий, безглазый, можно сказать, и безрукий. После больницы так жить мне не

хотелось, что судьба мне послала Сашку. Дала смысл для жизни. Это уж я так молодого человека сам назвал. Я Александр, и он Александр. Не знаю, кто его родители, откуда он, имени настоящего тоже не знаю. Да и мальчик мой не помнит таких подробностей, я его нашел среди обломков сторевшего дома, скулил там, как щенок. Теперь он придает смысл моей жизни, я о нем забочусь. Хочу вырастить человеком, ученым, может быть, или инженером. У мальчика чудесный живой ум! Нам так повезло найти себе приют в библиотеке, книги спасаем от мародеров, чтобы не пустили на растопку или продажу. Заодно Александр улаживает мне слух чтением, – старик вдруг спохватился, что болтает без умолку, и снова похлопал рукой по матрасу. – Присаживайтесь. Простите, что заговорил вас, совсем одичали за время блокады. Выживать тяжело, забываешь о простых человеческих радостях, таких как гостеприимство, беседа с приятным человеком.

Он подполз поближе к гостю и втянул воздух:

– Ох, какая смесь ароматов! Табак, костер, порох, запах война. Простите, угостить нечем совсем. Возьмите книгу, любую, что вам понравится! В подарок! Не знаю даже, как вас отблагодарить, вы спасли город, его жителей, меня, Александра! Ах, как мне хочется вам подарить все, что имею, в ответ! Но, увы, матрас, книги и сирота – вот и все богатство.

Василий откашлялся, смущенный таким радушным приемом, и пробормотал:

– Мне бы посудину. Я тут... Сашке кашу принес. Солдатскую. Куда можно переложить?

– Сейчас, сейчас найдем место для гостинца, – засуетился старик. Извлек из-под груды книг старенькую алюминиевую миску и протянул в пустоту перед собой.

Пока Василий Иванович вытряхивал остывшую еду в емкость, старик перебирал гору томиков:

– Что предпочитаете, стихи или прозу? Вот, очень рекомендую, классический сборник Пушкина, еще есть Белинский, Горький. Может быть, поэзию девятнадцатого века?

– Да я до чтения не охоч, – виновато отозвался танкист.

– Я знаю, знаю, что вам понравится! – вдруг просиял слепец и нашарил в сваленной куче темный томик с золотым тиснением букв. – Вот, сонеты Уильяма Шекспира в переводе нашего славного поэта Самуила Маршака. Это классика, которая многие века трогает человеческие сердца. О любви, о смерти, о вечном и живом!

– Спасибо, – еле выдавил от конфуза старшина и сунул томик за пазуху. – Я пойду, у нас построение через несколько часов.

– Конечно, конечно, – с лица старика не сходила счастливая улыбка. – Как же приятно было с вами пообщаться, – он протянул руку и крепко тряхнул широкую ладонь Логунова. – Ах, если бы можно было выразить всю благодарность, всю теплоту для вас, наших спасителей. Жизни не хватит для этого!

– До свидания, берегите Сашку, башковитый он у вас, – на прощанье проговорил окончательно смущенный восхищением старика Василий и заспешил к выходу.

Он шагал по темным улицам, с удивлением прикасался к книге, что лежала за пазухой. Она казалась ему теплой, словно живой, хранящей тепло двух людей, которые так были счастливы от появления в городе советских танкистов. В пустом холодном городе за сотни дней наедине со смертью они сохранили себя, свои души и умение радоваться жизни. Хранили огонек надежды даже в самой темной комнате без света. Василий Иванович мерил шагами широкие дороги, так непохожие на его родное село под Омском в Сибири, и улыбался внутренним мыслям, оглядывая разрушенные здания, завалы из обломков и мусора, обледенелые тротуары, землю, изрытую воронками от снарядов. «Ничего, отстроимся! Прогоним фрицев и возьмемся за инструмент! Руки чешутся, как хочется поработать лопатой или топориком, чтобы стружки летели во все стороны. Дома росли как грибы, чистые, пахнущие свежей краской и новой жизнью».

Вдруг его мечты о мирном времени прервала канонада. Совсем далеко, неопасная и от этого вдвойне страшная. Будто зверь высунул голову и выплюнул огненный запал в небо – не забывай обо мне в своих мечтаниях, я все еще здесь, наш бой не закончен, и твоя жизнь по-прежнему в опасности. В отдалении заметались в небе всполохи, горизонт заволочло черным дымом, и заголосил знакомый вой пикирующих немецких юнкерсов, которые, как огромные чайки, принялись разрывать воздух резким звуком перед тем, как сбросить на землю свой смертоносный груз. Все мечты мгновенно растаяли при этом жутком реве, от которого продирало холодом по спине, несмотря на теплую одежду, состоящую из белья, гимнастерки, комбинезона и ватника. Василий Иванович остановился, выругался от души и погрозил кулаком туда, где за линией фронта еще грохотала война, неоконченная, жестокая, кровопролитная.

– Устроим вам, фрицы поганые, разнесем к чертовой матери по кусочкам армию вашу. И Гитлера, подлюку, на кол посадим!

Потом зашагал дальше еще решительнее, позабыв об усталости и голоде. Теперь за его спиной, помимо всех родных и знакомых в тылу, убитых сослуживцев, боевых товарищей, ждали победы над фашистами еще и маленький мальчик со слепым стариком, жившие в подвале разбитой библиотеки.

Глава 2

В 8 утра отоспавшийся и посвежевший Соколов сидел в красном уголке завода вместе с остальными офицерами, командирами рот и батальонов, которых собрал комдив Котов, чтобы лично обрисовать текущую позицию РККА:

– Начнем, товарищи, – коротко обритуя голова комдива блестела от яркого солнца, проникавшего во все щели между досками, которыми было заколочено окно. – Красная армия продолжает вести наступательные бои в прежних направлениях. Итак, на данный момент наши войска после решительных атак овладели следующими населенными пунктами...

Алексей внимательно слушал, следил глазами за указкой, которая двигалась по карте от флажка к флажку, обозначая, куда сдвинулась линия фронта. И параллельно никак не мог остановить поток мыслей о скудном штате танкистов, где на одну машину у него приходилось вместо четырех лишь два члена экипажа. Эх, где же взять ему еще с десятков танкистов? Первые модели, выпущенные в Великобритании, вообще управлялись штатом из 6–8 человек, и Т-34 тоже предполагал своей конструкцией четырех членов танкового отделения. Мехвод и радист в передней части корпуса в отделении управления, в боевом – наводчик и заряжающий. Даже пускай без радиста по три человека в машине, но тогда останется незадействованным пулемет ДТ в шаровой установке. А ведь с его помощью радист-пулеметчик уничтожает живую силу противника, когда на первой линии вражеских окопов уже нет смысла в ведении огня из танкового орудия.

И одновременно он улавливал речь генерала, огорчаясь про себя, что до сих пор силы Гитлера и его армий велики, они никак не желают уходить из России, выстраивая все новые варианты обороны.

– Вермахт совместно с союзниками сооружает активно оборонительную линию «Пантера». По данным разведки, командование армии противника стягивает силы для создания линии из более чем десяти тысяч полевых укреплений, которые помогут удерживать оборону. К укреплениям планируется добавить проволочные заграждения, противотанковые рвы, минирование больших территорий. Прилегающие районы будут затоплены, мирное население выселено в концлагеря или уничтожено на месте. Позиция «Пантера»–«Вотан» состоит из двух частей, укрепрайон от Азовского моря по Днепру и вторая часть – это наши с вами позиции, товарищи. От Идрицы, по реке Великой, через Чудское, Псковское озера к реке Нарве, то есть в ста пятидесяти километрах от нас, группа армий «Север» роет землю, сооружает доты и дзоты, готовясь к новой серии контратак. Пока идет подготовка, наша задача – не дать немцам провести подготовку, перекрыть им пути подвоза строительных материалов и техники.

Вдруг речь комдива прервал ординарец, подсунувший ему лист срочной депеши прямо под руку. Генерал на секунду нахмурился, вчитываясь в строчки, и резким взмахом руки остановил совещание:

– Перерыв пять минут, товарищи офицеры. Командиров батальонов прошу остаться.

Зашумели голоса, сдвинулись самодельные скамейки из влажных неоструганных досок. Полевые командиры пошли на улицу – вдохнуть свежего воздуха, скрутить козью ножку. Некурящий лейтенант, непривычный к новому окружению, скромно встал в предбаннике, разглядывая чудом уцелевшие фотографии на стенах красного уголка. Желтые от времени фотокарточки напомнили ему родной Куйбышев и мирные вечера с бабушкой, которая пела в самодеятельном хоре.

Вечерами Алешка ждал бабулю с репетиции под окнами местного клуба, то рисуя палочкой в придорожной пыли карты сокровищ из книг, то мастера себе из стеклышек и листа бумаги хитроумное сооружение, которое позволяло расцвечивать сугробы в разные цвета. Он также отчетливо помнил тот день, когда голосистых певец приехал снимать городской фото-

граф с тяжеленным аппаратом на трех ногах. Весь процесс тогда Алешка наблюдал с любопытством от и до. Как замирали с улыбкой в полукольце певицы в самошитых сарафанах, как торопливо поправляли свои наряды, подкрашивали губы перед вторым снимком. После этого он каждую репетицию еще полгода рассматривал готовые фотографии, что развесили по стенам клуба. Всмотривался во все мелкие черточки и детали с восхищением, замороженный фотографиями, на которых застыли мгновения жизни.

Вот и сейчас он будто окунулся в чужую мирную жизнь, что шла неторопливо в одном из районов Ленинграда. На одном снимке пионеры с цветами в руках замерли у флага, у барабанщика смешно развязался шнурок, а горнист надул щеки, как шар. Здесь гимнасты в трико стоят в пирамиде, вытянув поджарые тела. На третьей фотокарточке девочка, вся в кудряшках и воланах на праздничном платье, вытянула руки со сцены заводского клуба, читая стихи или проникновенный монолог. Он сразу же вспомнил, как сам читал со сцены куйбышевского Дома культуры стихи. О чем они были, он сейчас не помнил, в памяти осталось лишь ощущение волнения и чувство ватной слабости в коленях, которые вдруг затихли при виде улыбающейся бабушки в первом ряду, когда он вышел на сцену.

– Соколов! – окрик комбата вырвал его из воспоминаний.

Алексей поправил пилотку, ремень на ходу, подошел и по-уставному отрапортовал:

– Лейтенант Соколов по вашему приказанию прибыл!

Он уже знал, что майор Еременко чтит воинский устав и дисциплину больше всего, считая их основой взаимодействия внутри армии. Он был с ним согласен отчасти, без жесткой дисциплины командовать тысячами людей, у каждого из которых свой характер, свои желания, невозможно. Только и регулярно нарушать устав или приказ вышестоящего командования Алексею приходилось, не всегда сражение идет, как запланировано в огневых карточках. Правила не могут вобрать в себя многообразную непредсказуемую жизнь на фронте.

Соколов прошел назад в комнату, где командир дивизии продолжал хмуриться, сидя над листом донесения. Генерал Котов окинул высокую худощавую фигуру танкиста, скользнул взглядом по кубикам на петлицах. Молодой, совсем мальчишка, если бы не тяжелая складка на переносице и внимательный собранный взгляд, то решил бы, что обычный ефрейтор или старшина, недавно еще учившийся в танковой школе. Хотя комбат и политрук в один голос настаивали – Соколову, и только ему, можно поручить столь сложную задачу. Генерал подвинул бумагу старшему лейтенанту, да тут же сам пояснил ее содержание:

– В районе населенного пункта Ивановское немцы внезапно атаковали и прорвали линию обороны наших войск. Они не только уничтожили советские позиции... – Генерал помолчал, как же трудно всегда произносить такие слова. Признать поражение. Ведь за официальными формулировками кроются живые люди, потерянная техника, сотни раненых и убитых. – У твоих ребят будет специальная боевая задача – ликвидировать прорыв. Командир твой говорит, что ты отличный стратег.

– Только, товарищ генерал, не со всеми подчиненными экипажами. У меня тогда от батальона останется два с половиной танка, – заерзал Еременко рядом. – Лейтенант Соколов сейчас обязанности второго раненого взводного исполняет, у него в подчинении два десятка тридцатьчетверок.

– Хорошо, майор, я тебя понял. – Котов рубанул в воздухе ладонью. – Вот что, лейтенант, прорыв этот ты один не ликвидируешь, тут общее наступление нужно по всем правилам. Разведка, потом планирование, атака с воздуха, саперы и уже на втором этапе после подготовки танки. У тебя задача локальнее, но и сложнее. Надо прорваться через немцев, они в Ивановском роту стрелков взяли в окружение, а там кадры ценные – снайперы. Поэтому задача такая: подобраться через позиции противника к месту дислокации наших войск, укрепить позицию и держать оборону до тех пор, пока мы с тыла не подтянем еще силы для подавления атаки. Поэтому взвода из трех танков тебе хватит, действовать будешь малыми силами. Отберешь

отряд на свое усмотрение, остальные в батальоне Еременко остаются. Приказ ясен, лейтенант Соколов?

– Так точно, – сухо ответил Алексей, хотя в голове сразу закружился вихрь вопросов.

Карту надо срочно, чтобы хотя бы понимать, как им прорываться через немецкие заграждения – с боем или можно на трех машинах ночью пройти лесами до населенного пункта.

Котов кивнул в ответ:

– Выполняйте приказ, по прибытии в Ивановское лично мне доложить. У тебя сутки на выполнение задачи.

Промолчал комдив, хоть и хотелось рассказать этому серьезному парню все без утайки, поделиться скрытыми мыслями, что не уверен он в том, будет ли кто жив из роты стрелков, когда придут танки. Неизвестно, что произошло рядом с крупным селом. Информация крайне скудная, что успел передать радист стрелков, и вот уже три часа, как не выходит на связь. Только сейчас отправили разведку, потом будет подготовка наступления. Только для планирования операции требуется время. Этой паузы может быть для вермахта достаточно, чтобы преодолеть сопротивление пехотинцев и уничтожить ополченцев. Снайперская рота даже добраться не успела до командного пункта, как попала в самое пекло боев.

Старший лейтенант в это время уже пристроился прямо на сломанной скамейке, что окружили летнюю площадку, где раньше Дом культуры проводил для жителей района концерты на открытом воздухе. Достал и расстелил на коленях топографические карты местности из кожаного офицерского планшета, прокладывая мысленно маршрут до Ивановского.

Небольшое село стояло отдельно на краю крупного района, но почему немцы выбрали его в качестве своей цели, сразу стало понятно молодому танкисту. С одной стороны населенный пункт был окружен хвойной лесополосой с небольшими высотами – пересеченная местность, изрезанная скалистыми холмами из камня твердых пород и проломами между ними. Вот с правого фланга населенный пункт огибала широкая магистраль, прорезанная сетью мостов через реку, будто две ткани сшили стежками. На той стороне уже пролегла линия фронта, нейтральная полоса рядом с территорией боевых действий. От моста и магистрали до немецких соединений пара километров. Поэтому, получив позицию на магистрали, немцы могли переправить технику и личный состав без боя на другой берег, рассредоточиться по широкой дороге в любую сторону, засечь в лесу и вести оборонительные бои со скрытых за деревьями позиций. При этом они перекрывали важную дорожную артерию, по которой советские войска эшелонировались перед атакой на новую немецкую линию обороны на том берегу. Водная преграда сама по себе – труднопреодолимое препятствие, нужно пространство для маневров, а если занять кусочек дороги, то по ней, как по руслу реки, потекут во все стороны обратно немецкие силы. Важность территории и коммуникаций видна сразу, теперь Соколов думал, как же добраться к селу. Со стороны леса проще на первый взгляд, хотя без предварительной разведки танки могут натолкнуться на труднопроходимый овражек или завалы из бурелома, невидимые под слоем снега, в которых они оставят гусеницы, не сумев выполнить боевую задачу. Да и объездной путь получается в два раза длиннее, идет через все села и деревушки к восточному въезду в Ивановское. Только ночь уйдет на то, чтобы проложить обходной маршрут.

По дороге безопаснее и проще добраться до границы села, где потом начинаются такие трудности, что не сравнить с выбитыми пальцами или сорванной трансмиссией. Немцы на границе выстроили основные силы, чтобы не отдать важный стратегический участок. А еще туда поспешно стягивают подкрепление, ведут постоянно огонь на подавление, чтобы даже сунуться страшно было. Какой же все-таки выбрать путь, длинный и более безопасный или короткий, но с риском попасть под массированный обстрел немецкой артиллерии или столкнуться с «тиграми» на линии окопов?

– Ну что, лейтенант, это правильно, конечно, ты с картой тут засел. Местность изучить надо, правда, пока ты тут думаешь, нашу пехоту на куски разносят немцы, – раздался над головой голос комдива.

Тот уже закончил совещание и направлялся к генеральскому бронемобилю, прикрыв голову папахой с красной лентой.

– Да, товарищ генерал, без разведки сложно выбрать стратегию, не хочется вслепую бросаться.

– Лейтенант, понимаю тебя, людей сохранить хочется, умирать не хочется, – комдив впери в парня жесткий взгляд голубых глаз. – Приказ есть приказ, думаешь, тем, кто там сейчас у немца в клещах оказался, жить не хочется? Они ждут нас, что мы им придем на помощь, и каждый час считают. Пока фашисты в это время туда технику сгоняют. Сейчас еще мост под нашей охраной, перекрыли им там дорожку. Так что, лейтенант, сейчас не только стратегия, но и скорость важна. Пока не укрепились, не окопались противники, мчи во весь опор по дороге. Минуты жизни человеческим равны, помни.

– Есть, товарищ генерал, выполняю приказ, – отрапортовал Алексей и бросился со всех ног к своему экипажу и месту расположения тридцатьчетверок своей роты.

Прав генерал, пока мост закрыт, немцы отрезаны от основных сил, надо брать их скоростью, резкой атакой, а не долгим изматывающим точечным боем. Сейчас у него сработало ложное ощущение спокойствия. В условиях боя, когда поле застлано дымом, со всех сторон рвутся с грохотом снаряды, голова молодого старшего лейтенанта начинает работать словно механизм, просчитывая за секунды самый быстрый вариант. Сейчас нет даже канонады, которая всегда слышна рядом с линией фронта, не визжат пули, над Ленинградом висит непривычная тишина. Поэтому он расслабился, обдумывает операцию размеренно, будто школьник задачку из учебника арифметики. Правда в том, что это не цифры, за ними люди, живые люди, которые умирают сейчас от ран, кричат от страха и ждут, ждут, ждут подкрепления.

Он остановился возле замаскированных под белыми простынями вражеского парашютного шелка тридцатьчетверок и протяжно выкрикнул:

– Рота, стройся.

Танкисты по его приказу высыпали из импровизированной казармы, натягивая на ходу ватники, застегивая воротнички. Его заместитель, старшина Логунов, шагая, убирал за полу куртки томик Шекспира. Утром он пролистал книгу и был так очарован сонетами английского поэта, что взялся переписывать один из них в письмо для Любаши. Хотя обычно короткая осьмушка содержала только отчет, что они с Колей живы и здоровы. Сегодня ему так хотелось поделиться с любимой красотой слогов и строф о любви, что он взялся корпеть, переписывая певучие строки.

Колька, заспанный, одуревший после долгой бессонной ночи, с взъерошенными вихрами, крутил головой, еще не проснувшись и не понимая, что происходит, куда все спешат. Рядом уже стоял, вытянувшись всем своим худым пружинистым телом, его приятель и соратник по экипажу – Руслан Омаев, младший сержант, радист командирского танка под номером 007. Изящный и невысокий чеченец негласно соревновался с крепышом из Сибири Бочкиным. Равные по возрасту, они всегда ревниво поглядывали, кому больше досталось внимания или похвалы начальства, других членов экипажа. Руслан почти во всех случаях оказывался проворнее. Тогда Колька, выполняя любое задание, брал упорством. Но стоило рядом мелькнуть опасности, их соревнования сразу отходили в сторону, и ребята объединялись против врага, поддерживая друг друга.

Сейчас Руслан, причесанный, выбритый, в свежей форме, косился горделиво на ошарашенного Кольку в перекошенной гимнастерке, со смятой пилоткой в руке. Старательный Руслан с утра уже успел написать письмо невесте, загрузить в танк боеприпасы и под ледяными струями воды оттереться в разгромленной заводской душевой от мазута и масла. Поэтому сей-

час так и посматривал свысока на товарища, что всю ночь провел в ремонтной мастерской, а сейчас оказался не готов к внезапному построению.

Соколов замер, ожидая, пока выстроятся его бойцы в неровный ряд, каждого окинул взглядом. В одном только экипаже он был уверен – в членах отделения его танка: Логунове, Бабенко, Бочкине и Омаеве. С ними лейтенант уже третий год воюет, и они не просто подчиненные, а его семья, которой можно доверить любую задачу. Начинал как командир взвода, а теперь командует целой ротой Т-34, при этом всегда прислушивается к их мнению, опыт и сплав таких разных характеров всегда помогают найти решение в трудной ситуации.

Вот и сейчас он решил, пускай каждый из танкистов выбирает себе в команду ребят, возглавив экипажи еще двух танков. Он останется с Русланом и Бабенко в родной «семерке», а Василий Иванович и Коля наберут по два человека в свои экипажи. Николай за последние три месяца не отлипал от Бабенко, изучая тонкости управления Т-34. Наводке орудия и другим обязанностям башнера Логунов давно уже обучил пасынка, а в последнем сражении Бочкин показал себя и как хороший командир танкового отделения, ловко управляя с двумя новобранцами тридцатьчетверкой.

– Танкисты, командир дивизии поставил перед нами боевую задачу – пройти через заграждение противника и прийти на помощь роте пехотинцев, которые оказались после прорыва немцев к советским позициям в окружении. Со мной идут только два экипажа, помимо командирского танка. Командирами отделений назначаю старшину Логунова и ефрейтора Бочкина, в машине по три человека вместе с командиром. Идем налегке, без радистов. Через четверть часа сбор группы у выезда с территории завода. Командирам отделений укомплектовать экипаж, проверить техническую готовность машин и боеприпасы. Остальные поступают под командование майора Еременко.

– Так точно, товарищ командир, – в ответ раздались голоса бойцов.

– Выполнять приказ, остальным – вольно, – внутри у Соколова словно счетчик включился, он начал отсчитывать каждую минуту, что уходила на сборы.

Коротко уточнил у Омаева:

– Все готово?

– Под завязку, товарищ лейтенант, все утро загружал, – доложил сержант.

Беспокоить он больше командира вопросами не стал, видел и без слов, как тот нервничает, понимая, что ситуация стремительно разворачивается не в пользу окруженных стрелков. А ведь им еще добираться больше двух часов до границы территории, где немцы сейчас обустраивают оборонительные позиции. Только по дороге, если вдруг магистраль будет перекрыта немцами, то шансы добраться до пехоты и вызволить бойцов станут совсем низкими.

Бабенко, не дожидаясь вопроса, с красными от усталости глазами уже ответил на немой взгляд ротного:

– Готовы, Алексей Иванович, все огрехи устранили, гусеницы заменили с выбитыми пальцами, их уже было не выправить.

– Хорошо, – кивнул Алексей, а сам от нетерпения теперь не знал, куда себя деть.

Пятнадцать минут казались сейчас такими долгими. Его подчиненные, будто почувствовав нетерпение ротного командира, спешили с докладом о готовности. Бочкин на ходу выпалил:

– Товарищ командир, в экипаже водитель рядовой Громов, заряжающий Федорчук. Командир отделения – ефрейтор Бочкин. Машина номер 012! Разрешите трогаться?

– Позиция по правому флангу, Николай.

Рядом с ним теперь Логунов докладывал о своем наборе:

– Хвалов на управлении, заряжающим рядовой Бубка. Готовы выдвигаться, товарищ лейтенант.

– Тогда по машинам! Логунов, номер танка?

– Тридцать семь, Алексей Иванович, – отозвался Логунов на ходу, запрыгивая на броню фыркающей тридцатьчетверки.

– Ноль тридцать седьмой, экипаж по центру, колонной вперед по магистрали семьдесят километров, скорость максимальная, – внутри машины в ТПУ отдал Соколов последние приказы, когда танки с крутым разворотом вылетели с территории завода и понеслись по дорогам города, не обращая внимания на ямы и выбоины под гусеницами.

Быстрее к мосту, потом переход на рокадную дорогу и дальше через окрестное село. После этого отрезка пути тридцатьчетверки окажутся на магистрали, что поведет их в обход по границе Ленобласти вдоль сплетения речушек, потом к участку дороги, где сейчас немцы нещадно простреливали территорию, не подпуская советские войска. Мост был нужен всем, важный стратегический объект, поэтому тяжелую артиллерию не решались пустить в ход ни советские офицеры, ни германские. Противники поливали друг друга нескончаемым дождем из пуль и мин, но тяжелые снаряды так на поле боя и не применялись.

В темноте железного брюха, раскачивающегося на кочках и воронках фронтовой дороги, Алексей корпел над картой, с каждой минутой все больше понимая – прав был комдив. Необходимо, используя растерянность противника, стремительно прорываться. Про себя он рассуждал: «Наверняка и зенитки у них есть, засели крепко. По мосту огонь не ведут, чтобы не разрушить важное сооружение. А вот по танкам откроют прицельный огонь, если не на поражение, то на подавление. С высоты холмов вся дорога как на ладони, и незаметно приблизиться не удастся. Остается одно – стремительные маневры. Проход к селу точно не заминирован, раз там прошла германская техника, не успели бы минеры так быстро, еще и под плотным обстрелом, выложить поле снарядами. Дымовухи? Хорошая завеса, с ее помощью можно отлично прикрыть отступление танков или атаку, но с реки дует ветер и наверняка дым разнесет за несколько минут. Как раз когда тридцатьчетверки будут совсем близко к немецким позициям. Как же трудно принимать решение, совсем не зная, что же ждет на месте, какие силы у противника, что есть из техники. Ведь если нет зенитного оружия и бронетехники, то можно переть напролом, броне Т-34 не страшны пулеметные или минометные выстрелы. Если на германской позиции ждут танки, то из-под дымовых шашек есть вероятность попасть прямо под выстрелы мощных орудий Panzerkampfwagen VI, которые между собой сами немцы называют «тиграми». Быстроходные, несмотря на массивность, с высокой убойностью орудия, заимствованного у грозной зенитки «ахт-ахт», они, в отличие от неповоротливых «Штуг», «Фердинандов», могут соперничать с советскими Т-34, вступая в жестокий бой. Гордые новой техникой немцы, которые в начале войны не знали, что противопоставить маневренным и метким тэшкам, теперь дают новой бронетехнике грозные названия – «тигр», «пантера», считая их опасными и ловкими, словно дикие звери. Вступать с ними в бой опасно, задача комдивом поставлена другая, значит, будем прорываться на максимальной скорости, наметив маршрут. Перед началом движения вот на этой высоте проведем рекогносцировку – и потом вперед». Соколов отметил для себя точку на карте, где с небольшой возвышенности получится в бинокль осмотреть пространство, на котором идет стрельба, и выбрать траекторию движения для каждого танка.

Комроты выпрямился и прижался к нарамнику перископа: в зеленом мутном стекле прыгала полоска дороги, да слева от нее мелькали деревья, справа белая ото льда река была не видна, она пряталась в низине. Он сверился с часами – уже прошел час, они приближаются к крайней позиции на советской территории. Техники на дороге было все меньше, колонны машин и повозки с орудиями разворачивали обратно, направляя на обходную переправу. Тридцатьчетверки выскочили за поворот, когда на дороге показался высокий парень в полушубке. Он бежал навстречу машинам, размахивая руками. Алексей приказал в ТПУ:

– Короткая! – и танки послушно замедлили движение.

Из распахнутого люка показалась голова командира в шлеме:

– Что случилось? Мы к мосту с заданием от командира танковой дивизии.

– Там, там, – задыхался парень, размахивая руками в сторону железного моста. – Танки немецкие прут! Они уже на мосту!

Соколов мгновенно снял шлемофон, выбрался на броню и протянул парню руку, помогая взобраться на броню:

– Давай, рассказывай, что там есть, кто охраняет мост?

– Ребята, ребята наши с пулеметами, но куда с пулеметом против таких махин! Они по мосту прут, мы стреляем, стреляем, и как в стену. Нам сообщение было, что танки наши идут в подкрепление. Мне командир сказал: беги, Ромка, со всех ног, предупреди!

– Нет, доложи как положено. Техники сколько по мосту идет? Где расположены наши точки? Быстрее, у тебя две минуты. Завернем по дороге, и все, в бой! Ну, соберись, парень! – Алексей тряхнул перепуганного посланца за плечи.

Тот выпучил глаза, но нашел в себе силы сосредоточиться:

– С нашей стороны в начале моста установлены две пулеметные точки и еще с два десятка пехоты в поддержку в кювете магистрали. А у фашистов, – у него дыхание даже приостановилось от новой волны страха. – Идут по два в ряд, я штук десять насчитал, пока бежал вдоль берега. Они от самого начала моста идут, и края не видно!

– То есть им еще до середины моста осталось пройти?

Со стороны реки загрочотали выстрелы, парнишка кивнул и в ужасе заерзал на броне, там, под вражескими осколками, погибали сейчас его боевые товарищи, поэтому он изнывал от желания помочь, броситься в бой. Только что тут сделаешь, в рукопашную пойдешь с бронированным монстром? Да и он ожидал увидеть целую вереницу советских тридцатьчетверок, а оказалось, всего лишь три машины спешат им на помощь. Рядовой от отчаяния не знал, куда броситься. Командир тридцатьчетверок, напротив, выглядел очень спокойным и сосредоточенным. Он исчез в люке, внутри танка натянул шлемофон, прижал ларингофон плотнее к шее и приказал:

– Логунов, поворачивай назад. На мосту около двадцати немецких панцеров, втроем нам их не остановить. Уходите сейчас назад, на север. Видел, триста метров после поворота левее хорошая высота? Вот туда давай. К тебе как раз все немцы будут находиться в профиль, пали бронейными, закрывай проход, чтобы они мост сами себе перекрыли. Мы на поддержке, Бочкин – по правому флангу к краю моста. Огонь на поражение, бить по центру в катки и под маску, остановить надо головной ряд, соорудить баррикаду.

– Есть, – раздались возгласы сибиряков в эфире.

Тридцатьчетверка с цифрами 037 на башне резко развернулась и ушла в снежной пыли по дороге обратно, а две машины на полной скорости продолжали двигаться к мосту.

– Сейчас сделаем по два выстрела и уходим вниз по склону, под мост. Неглубоко, метров пятьдесят хватит, с линии огня уйдем. Так и дальше будем бить. Выстрел – откатились назад в укрытие, чтобы за опорами было тебя не видно. Заранее, Коля, цели выбирай.

– Понял, товарищ командир, – голос у Николая был напряженный, даже сквозь помехи в эфире чувствовалось, как он переживает.

По мосту перли немецкие «тигры». Тяжелые бронированные великаны, весом вдвое тяжелее, чем Т-34, с шестиметровыми дулами орудий, переделанных немецкими инженерами на базе зенитки Flak-18. Оснастили они смертельное оружие с высокой дальностью стрельбы хорошей оптикой, электроспуском и эффективным дульным тормозом, который снижал отдачу при выстреле, а значит, и увеличивал меткость попадания. Попадание под линию обстрела панцера VI Tiger для любой бронированной машины означало верную смерть – снаряды пробивали броню с расстояния в два километра. Но и у этого монстра была слабинка, которую знали и использовали в бою советские танкисты. Выстрел в корму, где находятся топливные баки, и танк уже пылает гигантским факелом, а экипаж отчаянно пытается спастись через запасной люк и отверстие в башне. К тому же вертикальное расположение броневых листов у

«пятерки» было недостатком, пробить лоб можно было с расстояния в 500 метров, а корму – так по траектории в два километра. Эти слабые места германских «тигров» Соколов изучил в боях, поэтому выстроил такую тактику. Неповоротливые, медленные гиганты на узком участке не смогут маневрировать и уходить от внезапных обстрелов. Уничтожать все машины необходимости нет, да и невозможно при таком перевесе в количестве. Достаточно подбить головной ряд техники, для того чтобы железная стена из машин перекрыла проход по мосту для остальных танков. Экипаж Логунова сделает то же самое уже с хвостом колонны. Так с помощью трех легких Т-34 против двух десятков тяжелых панцеров они запрут гигантов между своими же товарищами. Чтобы освободить дорогу, немцам придется подгонять тяжелые САУ, цеплять подбитые машины, оттащить к своим границам. Это время, да и техники не полезут эвакуировать машины под пулями советских пулеметов, в отличие от отчаянных эсэсовцев, жаждущих заполучить любым путем кресты на грудь.

Машины вылетели за поворот, прокатились плавно, с замедлением к началу конструкции.

– Короткая! – мехвод предупредил, что машина уже идет медленно по одной траектории. Можно открывать огонь по вражеским целям.

Выстрел! Снаряд лязгнул по гусеницам с шахматкой звеньев, выбил искры, но не остановил движение правого фланга немцев. Раздосадованный неудачей Николай вместо того, чтобы отдать приказ мехводу «Назад 100 метров» и увести Т-34 с обзора немецких башнеров, снова поймал в сетку прицела железные сечения немецких траков.

– Бронебойный! – он даже не заметил, как в голосе появились стальные нотки. В нем была решимость уничтожить противника во что бы то ни стало.

В шлемофоне раздался голос Соколова:

– Двенадцатый, Бочкин, немедленно назад! Это приказ!

– Огонь! – скомандовал сам себе Бочкин и нажал рычаг пушечного орудия.

Второй снаряд впился в металлические звенья, разметав куски по мосту. От удара вражеский танк вздрогнул, дернулся и замедлил движение. Идущие за ним Panzerkampfwagen VI тоже затормозили, втыкаясь в корму друг другу и неловко цепляясь гусеницами.

– Бочкин, уходи! Коля, это приказ! Тебя сейчас подстрелят!

Довольный результатом стрельбы Николай наконец отдал команду дать задний ход, и траки тридцатьчетверки потащили тяжелый танк вниз по пологому берегу под укрытие помоста. Соколов скрипнул зубами, но сдержался. Нет времени ругать лихого новоиспеченного командира, что так отчаянно рисковал, подставлял машину и экипаж, лишь бы добиться попадания.

Снаряд, еще снаряд! «Семерка» выскочила на берег, башня крутанулась в нужное положение, и из дула пушки вылетели практически подряд две болванки. Колонна «тигров» дрогнула, нарушила свою идеальную немецкую стройность. Два панцера в середине задымились черными смрадными столбами. Потом так же юрко советский танк скатился задним ходом вниз, уйдя из-под направленных на него мощных германских пушек.

Новые залпы и новое попадание! Теперь открыл огонь экипаж 037-й машины, отправляя бронебойные в черные бока немецких машин. Техника на мосту смешалась, разрушив такую поначалу дерзкую атаку. Часть «тигров» задним ходом начала отступать, освобождая проход, несколько экипажей крутили огромными дулами, выискивая направление для выстрелов. Но Т-34 Логунова не было видно из-за высоких кустов, что покрывали пригорок на советской стороне. Там Василий Логунов прильнул к телескопическому прицелу, стараясь даже не дышать. Перекрещенные руки ловко управлялись с маховиком наводки, а сам он весь был сосредоточен на цели – черных силуэтах с белой свастикой на борту, что мечутся в панике между балками ограды. Даже на расстоянии в почти 800 метров у него был шанс пробить закаленную броню.

Нужно бить прицельно, в трансмиссию или в топливные баки, скрытые в корме. Водитель его танка тоже затих, с силой прижавшись к рамке обзора. Без оптики ему не было видно, куда летят снаряды, лишь по коротким выкрикам башнера да толчкам машины при откате дульного тормоза он понимал, что новая болванка отправлена в черную гущу бронированной техники. Матвей вздрагивал всем телом от выстрелов, словно подгоняя огненные ракеты. Давай! Лети, круши поганых фрицев!

Залп! Пламя вспыхнуло от подожженных баков с бензином, взвыло и с грохотом скривило башню «тигра». Мост начало затягивать черным облаком пепла и огненной взвеси из частичек пороха и окалины. Видимость скоро станет хуже, и бить по видимым целям не получится. Еще одна вылазка перед паузой. Соколов выкрикнул:

– Вперед! Бочкин, левый фланг! Левый! И уходи! Бей и уходи!

Два Т-34 выскочили с разных сторон моста, на ходу наводя прицел орудия, качнулись на мягких пружинах всем весом. Танки остановились для выстрела и послали по бронебойному в черные башни крайних машин по флангам. Попадание! Вся колонна полыхала огнем, черный смрад обволакивал мост, укрывая технику. Атака захлебнулась, так и не начавшись.

– Логунов, добивай их!

Следующий снаряд лязгнул в казеннике, Василий выбрал цель – один из германских панцеров под завесой дыма развернулся и двинулся по мосту в сторону советских позиций.

– «Семерка», это «тридцать седьмой», к вам там один собрался. Через дым так и рвется.

Василий совместил большой угольник прицела с белым, прыгающим в линиях сетки крестом и нажал на педаль. Грохнул выстрел, вентиляторы загудели, вытягивая пороховой дым. Попадание! Заряжающий, перепрыгивая через горячие гильзы, снова укладывал снаряд в казенную часть танковой пушки.

– Отставить огонь! – Соколов остановил атаку. – Немцы отступают!

– Да, товарищ командир, бить их надо, пока бегут! – Бочкин испытывал азарт. Как ему хочется громить их, жечь до той поры, пока не останутся от германской техники лишь обугленные остовы.

– Отставить, бережем снаряды! Мост снова наш, мы уходим на задание!

Голос у лейтенанта стал твердым. Он и сам бы сейчас кинулся к маховику наводки, нащупывая дулом новые цели. Бить, палить из пушки до тех пор, пока не будут уничтожены все цели. Но эти действия разрушат мост, и с пустыми ящиками без снарядов они не смогут пробиться через окружение к снайперам. Главное, что контратака прошла удачно, вражеские танки полыхают на мосту так, что завеса из пали растянулась по ветру над рекой на несколько километров, разнося удушливый запах обугленного металла. Вот только уйти просто так они тоже не могут. Немцы чуть не прорвали оборону моста и могут вернуться в любую минуту для новой атаки, угрожая перекрыть транспортную артерию.

Алексей повернулся к Омаеву:

– Руслан, срочно доложи в командный пункт об атаке на мост. Нужна поддержка из бронетехники. Тридцать седьмой экипаж остается на высоте, прикрывать проход.

Младший сержант удивился:

– Оставим один экипаж здесь? В две машины на прорыв?

– Да, придется, больше пока некому прикрыть дорогу. Будет простреливать с фланга, если немцы на мост сунутся, – Алексей уже переключился на частоту управления. – Двенадцатый, отступай к повороту, тридцать седьмой, остаешься на позиции до распоряжения штаба. Мы уходим дальше.

Он не слышал в эфире, как вздохнул Василий Иванович. Ведь вместе с ротным командиром уходил навстречу немцам и его пасынок, вернее, приемный сын Коля Бочкин, ставший за годы войны родным. Обещал он Любе, что сбережет пацана, и поэтому привык прикрывать того ото всех опасностей. Сейчас приказ командира его оставил на защите тыла, а Колька,

суровый и сосредоточенный на своем новом посту командира танкового отделения, направит свою тридцатьчетверку прямо в сосредоточение немецкой силы. Он все-таки не выдержал... В нарушение всех правил, прошептал в ларингофон:

– Коля, сынок, Коля, ты осторожно, прошу тебя. Ради матери, ради меня, аккуратно! – он слышал во время контратаки в эфире слова Соколова, вопреки которым Бочкин все же полез под выстрелы. Поэтому теперь просил парня побережись.

– Хорошо, и ты, дядь Вась, тут не пускай фрицев, – раздался ответ.

От родного голоса разлилась в груди теплота, старшина молча кивнул – ни одного танка он не пропустит на мост, не даст фашистам вернуться и начать теснить с отвоеванной земли. Т-34 откатились от моста, куда возвращались пехотинцы с оружием. От толпы отделился невысокий плотный мужчина с рукой в бурой от крови перевязи. Лейтенант Соколов высунулся из люка:

– Командир взвода Соколов. У меня задание прорваться через линию немецких сил, в деревне осталась рота стрелков. Вы из Ивановского к переправе вышли?

– Капитан Кузнецов. Да, снайперы, последними в эшелоне шли, – командир отряда пехотинцев попытался взобраться на броню, но ему мешала раненая рука.

Алексей спрыгнул вниз:

– Расскажите, как дело было. Что сейчас, какая ситуация? В штаб докладывали?

Бледный от потери крови мужчина медленно кивнул, все вокруг плыло словно в тумане, но он помнил одно – мост врагу отдавать нельзя ни при каких обстоятельствах.

– Мы выступили из Ивановского в составе пехотного батальона, я со своим взводом. С нами военнопленные на полуторке, эшелон с ранеными, техническое подразделение, связь. Ну, в общем, целый караван. Мы в голове шли, замыкающими снайперов поставили. Готовились к переправе, когда с южного направления атаковала немецкая моторизованная дивизия. Наблюдение даже доложить ничего не успело, налетели и давай поливать всех огнем. Я не понял, как они на этот берег попали, по воде, что ли, прошли, ведь вся магистраль наша, мосты под охраной. Немцев просто тьма, у меня в батальоне четыреста пятьдесят единиц личного состава.

Капитана вдруг затрясло от осознания произошедшего, только сейчас, спустя несколько часов, он вдруг понял, что его люди погибли, его бойцы, фронтовые товарищи, ребята. Голос стал хриплым от внутренней боли:

– Было четыреста пятьдесят... Комбата осколком в живот сразу же... И я ребятам приказал... В бой! – Мужчина с горечью махнул на гору трупов, которые уже успели собрать на участке, где недавно полыхал бой. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы собраться и продолжить рассказывать. – Противника примерно в три раза больше, около полутора тысяч автоматчиков на мотоциклах и на «ханомагах». Есть пулеметные и минометные установки, две зенитки небольшого калибра. Они атаковали, колонна не успела дойти до дороги, нас пополам разрезали. Немцы сейчас уgomонились, укрепились на высотках в скалах, перекрыли границу вдоль Ивановского, – здоровая рука указала в сторону темно-зеленой полосы сосен, поросшей на черных каменистых горках. – Вон на тех полянах укрылись, там скалы такие отвесные идут грядой, они там установили орудия и поливают огнем всех, кто приближается. С этой стороны подъем почти вертикальный, и у немецких стрелков хороший обзор. Чистое поле от дороги километра три, его не проскочить. Дорога до населенного пункта одна.

– А как они на эти скалы попали? Через холмы есть дорога?

– Есть тропки пешеходные по краям гряды, надо пройти вдоль подножия и подняться можно будет. Пытались мои бойцы. Только фрицы пройти никому не дают, сразу открывают из всех орудий огонь на поражение.

– Со стрелками есть связь?

– Была. Они успели доложить, что укрылись на молокозаводе, там до войны комплекс был большой. Огромное хозяйство, коровники, телятники, цеха какие-то. Зданий с десятков,

территория километров на пять растянулась, городишко целый. Потом фрицы кабель нашли, видимо, перерезали. Так что сейчас не знаем, что там происходит с ротой.

Соколов уже доставал из планшета карту:

– Так, давайте отметьте точки, где они засели в скалах. Направление выстрелов, дальность прострелов. Любая информация важна.

– Вы что, собрались туда, к ним? – капитан с удивлением уставился на старшего лейтенанта. – Как вы мимо зениток пройдете? Ладно пулеметы, автоматы броне не страшны, пушки броню ведь продырявят!

– Вы отмечайте, от вашей информации все зависит, – сунул карандаш Алексей мужчине в пальцы здоровой руки. – По вашим меткам будем путь выстраивать.

Сам Соколов присматривался к условным обозначениям на карте, прикидывая, как можно обойти немецкую оборону, что расположилась почти вокруг села. С одной стороны нагромождение скалистых холмов в порослях сосен, человеку, может быть, здесь и можно пройти по крутым тропинкам и уступам, но для огромной бронированной машины местность непроходимая. Кроме одной узенькой полоски – дороги, извивающейся по полю, потом в проем прямо в гряде, между двух высот. Дорога новая, скорее всего, пробитая динамитом и обустроенная прямо среди холмов еще в мирное время, чтобы сократить проезд к селу.

– Товарищ капитан, кто из ваших бойцов ходил в контратаку к полю? Мне нужно точно знать, что там за местность, вплоть до количества кустов. Поговорить с ними надо. Где бойцы?

– Сейчас, идемте, они все ранены. Но вернуться смогли, вон там мы им в кювете устроили окопчик, – капитан заспешил к повороту дороги, где работала лопатами часть солдат, сооружая фортификации на случай новой атаки немцев.

В небольшом углублении на брезенте лежали и сидели несколько бойцов. Под ватниками белели пропитанные кровью бинты, на бледных, как мел, лицах выделялась черная щетина, следы грязи и крови. Один из них, пожилой мужчина, стонал, лежа с закрытыми глазами. Его товарищ сам вздрагивал от боли, но то и дело ловил его руки, мечущиеся в бреду, чтобы он не трогал кровоточащую рану.

– Тихо, тихо, потерпи, ну потерпи, – при виде командира губы у него задрожали. – Товарищ капитан, скоро помощь прибудет? В госпиталь ему надо срочно, уже все, горячка началась.

– Крепитесь, ребята, идет помощь, вот уже танкисты первые добрались. За ними и санитарная машина подоспеет. Тимофей, расскажи товарищу танкисту, где точки у немцев.

– В скалах, не подобраться, – рядовой, черноволосый кудрявый парень, с трудом шевелил белыми губами. Грудь и рука его были обмотаны бинтами с алыми пятнами и бурными разводами крови.

– А поле там перед скалами какое, много пороста или деревьев?

– Это, считай, не поле. Лесочек только с молодняком, елочки кругом, сосенки по колено мне, мы за ними укрывались, а как к скалам поближе стали, они нас приметили и давай очередями лупить. Пулеметы на расстоянии метров триста друг от друга, по всей линии. Сашка Бритвин к проходу между двух холмов с перепугу кинулся, так они туда гранату ухнули, его камнями завалило. Пришлось отступать.

– Значит, дорога через скалы завалена?

– Небольшой завал, порода отвалилась. Но там у проезда «ханомаги» стоят замаскированные, на турелях минометы вместо пулеметов. Я... когда полз, оглядывался, считал... Надо ведь взять, позиции взять, не пускать их обратно... – Кудрявый парень начал задыхаться, на уголках рта вспенела кровавая пена. Глаза закатились, и он, неловко согнувшись, завалился на бок, уткнувшись лицом в грязную стенку окопа.

Командир засуетился, бросился поднимать раненого. Его соседи тоже кинулись на помощь, но над губами с каждым вздохом все выше поднимались кровавые пузыри. Алексей понимал, что это означает – задето легкое, парню осталось жить считанные минуты. Хоть и

видел он за военное время сотни тысяч смертей, только каждый раз внутри все сжималось, выворачивало от желания помочь и от собственного бессилия. Внутренний запал направлять оставалось только на борьбу с врагом. Он не врач, чтобы уметь спасти умирающего человека, но он боец, танкист и может отомстить, уничтожить врага, чтобы не допустить новых смертей. Там, за линией огня, ждут помощи люди, скорее всего, среди них тоже есть раненые, которых еще можно спасти. Сжав зубы, он отвернулся от умирающего, от мечущихся по окопу пехотинцев и зашагал обратно к танкам. Как попасть за линию немецкой обороны? Через скалу не пройти – завал, по полю не пройти – порост вырвет все гусеницы и подвеску, в обход всего села дорога займет не меньше трех часов. Каждая минута дорога, звенят в ушах слова генерала: «Они ждут помощи, лейтенант!»

Возле тридцатьчетверок застыла его команда, она ожидала приказа. Всем хотелось как можно быстрее идти вперед, вот же он, враг, засел на том конце поля. Соколов сунул бинокль Руслану, у которого был зоркий глаз, замечающий каждую мелочь, к тому же чеченец вырос в горах Краснодарского края, может быть, сообразит, как пробраться на танках по этим небольшим, но таким опасным холмам.

Бабенко дотронулся до карты:

– Алексей Иванович, а другого пути, чтобы продвигаться не через холмы, нет?

Соколов сокрушенно покачал головой:

– Есть дорога в обход через магистраль и потом по соседним деревушкам. Но путь увеличится часа на три.

Он и сам уже, пока они добирались до моста, засмотрел карту до дыр, выискивая обходной путь. Вдоль магистрали в обход официальных дорог с асфальтом после скал растянулась болотистая местность, где на карте растекались серые жилки ручьев, мелких ответвлений, болотцев и озерец. На такой глинистой вязкой почве тяжелая машина будет беспомощно перемалывать жидкую грязь гусеницами, не трогаясь с места. Летом, когда видно почву, еще можно было бы рискнуть пробраться через топи, но сейчас болото покрывает снег, создавая иллюзию чистого безопасного поля. Один неверный рывок рычагов, и танк засосет в непролазную жижу. Без всякой надежды что-нибудь придумать Соколов раскинул карту на броне:

– Семен Михайлович, посмотрите, где лучше танк провести? По полю и по дороге между высот не получается, только на низкой передаче. А при такой скорости движения нас немцы успеют закидать гранатами или подпалить из самого простого миномета. Мы окажемся в секторе огня без всякого прикрытия, а местность труднопроходимая, лишь ползти можно.

Сержант склонился над картой, глаза до сих пор слезились от пороховых газов, что наполняют внутри Т-34 после каждого выстрела. Он окинул взглядом пятно населенного пункта и местность вокруг него:

– Алексей Иванович, должна быть другая дорога. Смотрите, путь через каменистую местность ведет к въезду в село, эту дорогу сделали люди, чтобы быстрее выезжать на магистраль. Для создания и обустройства пролома нужна техника, экскаваторы, трактора мощные, взрывчатка. Думаю, что эту дорогу проложили не так давно. Значит, есть старый путь, заброшенный. Раньше ведь жители тоже как-то из деревни выбирались. И не просто тропинка имеется, а есть нормальная дорога, чтобы лошадь проехала или стадо прошло.

Алексей обрадованно ткнул пальцем в крошечный крестик на карте:

– Это ведь район немецких поселенцев, это кирха, католическая церковь. Сюда должна быть дорога ото всех деревень, и от Ивановского в том числе.

Он кинулся обратно к капитану пехотинцев. Тот стоял над неподвижным телом затихшего кудрявого бойца, в здоровой руке дрожала фуражка. Алексей тоже стянул пилотку, отдавая последнюю дань погибшему. Лейтенант робко тронул капитана за рукав:

– Вы когда в селе были, церковь видели? Она недалеко от села находится.

– Да, – кивнул мужчина и ткнул пальцем в карту между квадратами хозяйственных блоков завода. – Вот с этой точки, если смотришь на запад, градусов тридцать по правому флангу, расстояние там километра два до церкви. Со стороны молокозавода за границей села...

– Спасибо! – лейтенант бросился назад, уже понимая, что дорога найдена.

Если пройти вдоль каменной гряды по краю поля, то они попадут к впадине от речного рукава, где вдоль берега и должна проходить старая дорога. Конечно, немцы откроют огонь во время их прокатки вдоль объезда каменной гряды, но с такого расстояния повредить броню Т-34 невозможно, тем более попасть в движущуюся цель. Соколов уже взбирался по броне, следом спешил Руслан. «Семерка» заревела бодро и рванула вперед по краю дороги, беря левее и левее, пока в гусеничный трак с левого борта не уткнулись тонкие стволы сосен-подростков высотой в метр-полтора. Машина с номером 012 точно повторяла ее маневры.

Ожидаемо тут же завизжали в воздухе мины. Поросшее короткими деревцами поле по левому флангу вздыбилось, зачернело фонтанами от взрывов. Длинные пулеметные очереди разорвали воздух. Немцы яростно принялись обстреливать советские танки. По броне застучал дождь из пуль, отдаваясь жутким грохотом в ушах. Неопытный мехвод, Матвей Хвалов, от страшного шума, лязга прямо над головой растерялся, в ужасе инстинктивно бросил рычаги и стал прикрывать голову от раскаленных осколков, что стучали, громыхали, царапали борта танка. Он тут же получил удар сапогом по плечу. Башнер Николай погрозил ему кулаком сверху и выкрикнул в ТПУ:

– А ну, держись! Не заденет, держись!

Хотя сам понимал молодого водителя – внутри тоже все сжималось от ужаса перед смертельным градом, что бился в бронированные перегородки. Командиру отделения хотелось так же сжаться, бросить все и бежать, спасая свою жизнь, как можно дальше из зоны огня. В эфире царил тишина, никто не разговаривал, сжимаясь в животном страхе, который ничем нельзя было побороть. Лишь когда затих грохот и шквал выстрелов, Коля не удержался от вздоха облегчения – прорвались.

Теперь тридцатьчетверки плавно взбирались на холм с редким сосняком, откуда начался крутой спуск к бывшему рукаву реки, который со временем превратился во множество ручейков и мелких, шириною в метр, речушек. Сейчас из-за воды, покрытой льдом, спрятавшейся между кочек и камней, в воздухе висела дымка, которая тотчас выпала моросью на теплых бортах машин. После огненного дождя они будто попали в другой мир, состоявший из пара и тумана. Во влажной белизне видимость сразу стала хуже, и Соколов бросил ручки нарамника перископа, ибо зеленый экран окончательно затянуло влажной пленкой. Лейтенант откинул крышку люка и высунулся почти по пояс. Ему сразу стала видна дорога, вытоптанная сотнями ног, вымощенная камнями, она тянулась несколько километров аккуратной полоской вдоль поймы. Стоило только отойти на пару метров в сторону, и гладкую полосу не было видно из-за мороси, что висела в холодном воздухе.

«Семерка» ползла не торопясь, пробираясь по метру, чтобы не попасть гусеницами на край, где каменистая кладка обрывалась и переходила в скользкий глинистый берег. Туман начал редеть, расслаиваясь на клочки. Они почти вышли из молочного укрытия, Алексей наклонился в люк и прошептал:

– Глуши мотор! Остановка.

Обе машины замерли. Соколов так же шепотом приказал в темноту люка:

– Руслан, бери автомат. Впереди на немецком говорят, надо проверить, чтобы не нарваться на пост противника.

Две фигуры в черных комбинезонах, осторожно ступая, двинулись в сторону от тающего облака измороси. Вдруг Омаев нырнул вниз за огромный камень и потянул за собой командира:

– Вон там они, камень в воду кинули.

Со свистом из-за пригорка вылетел камень и поскакал по тонкому льду замерзшего ручья, выбивая темные трещины в матово-снежном слое.

– Шайзе!

Полетел следующий камень, выбив еще больше темных отметин. Невидимые за кучей огромных валунов немецкие солдаты соревновались в меткости, бросая камни в замерзший ручей. Они так увлеклись, что даже не заметили, как из белесой мороси выскользнули две фигуры и метнулись к ним. Короткий крик, и охранник упал на лед, заливая черные отметины струйками крови из пореза поперек горла. Второй свалился чуть поодаль с проломленной прикладом автомата головой. Руслан замер с кинжалом в руках, вслушиваясь в звуки вокруг. Не слышал ли кто-нибудь, как успел вскрикнуть чертов фриц перед смертью. Но было лишь слышно, как шумела вода под тонкой коркой льда, качались ветки кустов, да скрипели под напором ветра наличники выломанных окон старой церкви. Омаев брезгливо вытер лезвие о сукно немецкой шинели и убрал нож в ножны на поясе. Серебряный клинок подарил ему дед, когда отправлял любимого внука на призывной пункт. Он сам сражался с ним против волков на дальних пастбищах в горах. Теперь же и его внуку пригодилось родовое оружие, бороться против другого зверя – фашистов, что напали на родную землю.

– Быстрее назад! – младший сержант уже метнулся назад к тридцатьчетверкам, торопясь как можно быстрее проскочить отрезок пути.

Но командир остановил его взмахом руки. Им повезло, что из-за тумана над поймой немцы не заметили старый проход к селу, поэтому и выставили здесь всего лишь парочку часовых. Но как только придет смена караула, сюда стянут все силы, технику, автоматчиков, поскольку по широким отметинам, оставшимся после гусеничных траков, поймут, что советские танки прошли в село.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.